

фотографических портретов в кабинетном формате (10×16 см). Переплет альбома, хотя имеет изысканное оформление из красной кожи с золочеными металлическими вставками на верхней крышке, не был изготовлен на заказ, а был приобретен владельцами, по всей видимости, в магазине художественной продукции. К сожалению, подписей под портретами нет, но нет сомнений, что все они представляют собой многочисленных потомков Х. Г. фон Рейтерна (1744–1802), к середине XIX века состоявших в родстве с знатными остзейскими родами Нолькенов, Буксгевденов, Унгерн-Штернбергов и др. Определение имен изображенных на фотографиях еще впереди, но некоторые личности хорошо узнаваемы. К примеру, двоюродный брат Е. Е. Жуковской, министр финансов Российской империи в 1862–1878 годах М. Х. фон Рейтерн (1820–1890), ее родной брат А. Е. фон Рейтерн (1824–1879) в форме лейб-гвардии гусарского полка и, что особенно важно, дочь поэта Александра (1842–1899). Происхождение портретов Жуковских из альбома семьи фон Рейтернов стало еще одним важным свидетельством в пользу нашей атрибуции.

В заключение подчеркнем, что в работе с ранней фотографией нередко приходится сталкиваться с ситуацией, при которой лакуны оказываются невосполнимы и вследствие этого невозможно в полной мере исследовать предмет. Присутствие на эрмитажных портретах неизвестных авторских подписей и принадлежность их семейному архиву фон Рейтернов стали отправной точкой для подтверждения гипотезы, что на снимках запечатлены В. А. и Е. Е. Жуковские. Обращение к творческим биографиям фотографов Геротволя и Таннера дало возможность раскрыть технологические аспекты произведений, что стало поистине редкой удачей. Вслед за этим удалось сузить датировку снимков, высказать предположения о месте проведения съемок и, что особенно важно, подчеркнуть интерес Жуковских к фотографии как новому художественному опыту, к которому они могли приобщить и свое близкое окружение. Это вселяет надежду, что где-то хранятся, но пока неизвестны исследователям детские портреты Александры и Павла Жуковских, а также снимки многочисленного семейства фон Рейтернов. Все это дает нам основание утверждать, что уникальные отпечатки из собрания Государственного Эрмитажа являются самыми ранними и не имеющими аналогов в иконографии В. А. и Е. Е. Жуковских фотографическими портретами, выполненными пионерами нового искусства в технике калотипии, что возводит эти произведения в статус инкунабул фотографического собрания музея.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-218-224

© Н. П. Генералова

К ИСТОРИИ ОДНОГО ТУРГЕНЕВСКОГО ПРЕДИСЛОВИЯ (НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ШАРЛЯ ЭДМОНА К И. С. ТУРГЕНЕВУ)

Среди многих других предисловие И. С. Тургенева, о котором пойдет речь, имело довольно бурную историю. Забегая вперед, можно даже сказать, что в определенном смысле оно отменило принятое писателем в 1879 году решение покинуть Францию и вернуться навсегда в Россию. Желанию возвратиться на родину очень способствовал неожиданно горячий прием, оказанный Тургеневу в Москве и Петербурге в начале 1879 года. Его приезд в Россию на похороны старшего брата Николая внезапно обернулся шумными чествованиями, обедами, букетами, банкетами, чтениями и прочими знаками внимания, которых стареющий писатель никак не ожидал. Более всего он не ожидал признания от радикально настроенной молодежи, принявшей когда-то, в 1862 году, в штыки его роман «Отцы и дети». Казалось бы, зона отчуждения между Тургеневым и новым поколением должна была только расширяться после 1877 года, когда вышел в свет роман «Новь», где отнюдь не в благоприятном свете были выведе-

ны на сцену герои грядущей революции. Как бы там ни было, молодые люди, и в особенности студенчество, приняли писателя как нельзя более радушно и осаждали его бесконечными визитами и просьбами вернуться на родину.¹

Известно, что в 1870-е годы в России заметно активизировалось революционное движение, вовлекавшее в свои ряды немало юношей и девушек разных сословий. Стронник реформирования русского общества сверху, Тургенев, опасавшийся революционного взрыва, приложил много сил для направления горячих голов на путь мирной деятельности, хотя волей-неволей нередко оказывался в весьма двусмысленном положении, да и со стороны своих подопечных далеко не всегда находил понимание и благодарность. Мало кто из них задумывался о том, что «великому» Тургеневу подобные заступничества грозили большими неприятностями.

В ноябре 1879 года в трех номерах французской газеты «Le Temps» был напечатан с предисловием и послесловием² Тургенева автобиографический очерк И. Я. Павловского «En cellule. Impressions d'un nihiliste» («В одиночном заключении. Впечатления нигилиста»). Ознакомившись с ним, Гюстав Флобер писал Тургеневу: «Жадно читаю историю вашего нигилиста <...>. Возможно ли, боже правый, чтобы живые люди терпели такие страдания!»³ История публикации очерка была непростой, и она вполне достойна нашего внимания.

Кем же был упомянутый И. Я. Павловский и каким образом Тургенев оказался причастен к публикации его сочинения в одной из ведущих французских газет?

Исаак Яковлевич Павловский родился в Таганроге в 1852 году. По случайному совпадению, родители его снимали квартиру в доме Чеховых, с которыми Павловский позже познакомился и даже состоял в переписке. К моменту встречи с Тургеневым в начале 1879 года Павловскому исполнилось всего 26 лет. К тому времени за плечами молодого человека было уже немало испытаний. Еще в гимназии он увлекся социалистическими идеями и организовал кружок, а затем, поступив в Медико-хирургическую академию в Петербурге, сошелся с кружком революционно настроенных студентов и осенью 1874 года был арестован по шумевшему делу «193-х». Проведя два года в предварительном заключении, заболевший туберкулезом Павловский был освобожден, но через год снова арестован за участие в демонстрации в поддержку В. И. Засулич и выслан в Архангельскую губернию, откуда бежал за границу. В 1878 году он оказался на излечении в Италии. Здесь им был написан очерк «В одиночном заключении», который он переслал в Париж младшему брату Аарону, тоже покинувшему Россию политическому эмигранту.⁴ Именно Аарон, в самых восторженных тонах

¹ См.: Генералова Н. П. Невероятное путешествие И. С. Тургенева в Петербург и Москву (февраль–март 1879 года) // Русская литература. 2018. № 3. С. 76–96.

² Текст предисловия и послесловия (анонимного) Тургенева см.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1982. Т. 10. С. 362–363.

³ Флобер Г. О литературе, искусстве, писательском труде. Письма. Статьи: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 247.

⁴ Как и старший брат, Аарон проходил по делу «193-х» и был осужден. В 1877 году ему удалось бежать в Америку, где он примкнул к религиозному движению шекеров (или шейкеров), основанному еще в XVIII веке. Пробыв два года в Америке, Аарон переехал в Париж и здесь обратился за помощью к Тургеневу, который заинтересовался судьбой молодого человека. Из воспоминаний Исаака Павловского мы знаем, о чем идет речь. «Юноша этот (Аарон. — Н. Г.) очутился за границей 18-ти лет от роду, без всяких бумаг и, само собою разумеется, без всяких средств к существованию. При таких условиях ему захотелось поступить в земледельческий институт в Монпелье. Начальство института, убежденное в его добрых намерениях, приняло его в число студентов (после вступительного испытания). Но тут встретилось весьма важное затруднение: каждый студент, желающий по окончании курса во французском учебном заведении получить аттестат, обязан при вступлении представить метрическое свидетельство. Так как у юноши, о котором идет речь, его не было, то, чтобы не терять времени, директор института предложил ему „представить удостоверение от Тургенева, что Z. (имя юноши) родился тогда-то и там-то, и поручиться в то же время (цитируя письмо Z.) за его нравственность“. И <ван> С <ергеевич> немедленно исполнил просьбу юноши и дал ему таким образом „кончить курс“ (И. П. [Павловский И. Я.]. Воспоминание об И. С. Тургеневе (Из записок литератора) // Русский курьер. 1884. 15 авг. № 224. С. 1). Эта история подтвердилась почти дословно при изучении архива Павловского, переданного

отозвавшийся в письме к брату о знакомстве с Тургеневым, посоветовал ему передать рукопись знаменитому писателю. Так завязалось заочное знакомство начинающего литератора с автором «Записок охотника», чье творчество, по собственному признанию Павловского, оказало решающее влияние на всю его жизнь.

Впоследствии Исаак Павловский, писавший под псевдонимом Иван Яковлев, станет видным литератором, будет несколько лет парижским корреспондентом газеты А. С. Суворина «Новое время» и оставит подробные воспоминания о своем знакомстве с Тургеневым. В 1887 году он даже выпустит отдельным изданием книгу воспоминаний о нем на французском языке.⁵ Оставляем в стороне один неприятный эпизод в истории этих воспоминаний, уже достаточно изученный, а именно неблагоприятный отзыв Тургенева об Альфонсе Доде, который Павловский воспроизвел дословно. Доде, прочитав этот отзыв, был глубоко возмущен и изменил свое мнение о русском друге.⁶ Однако в целом, как показывают дальнейшие исследования, воспоминания Павловского вполне достоверны и могут служить более или менее надежным источником для изучения биографии писателя.

Вернемся к судьбе очерка Павловского. Прочитав его, Тургенев решил, что безыскусный рассказ молодого автора достоин быть опубликованным во французской печати, и взялся за дело. Прежде всего, он нашел переводчика, вернее, переводчицу текста на французский язык. Ею оказалась еще одна подопечная писателя А. Н. Луканина, благодаря которой мы узнаем немало значимых сведений о благотворительной деятельности Тургенева за границей. Отбывшая в качестве арестантки, как и многие другие, срок в Петропавловской крепости, Луканина тоже оказалась в эмиграции, получила диплом врача, однако не отказалась от своих революционных убеждений. В период предсмертной болезни Тургенева она в течение какого-то времени исполняла роль его секретаря и лечащего врача. Ее дневниковые записи сохранили немало примечательных эпизодов, в том числе и в отношении истории публикации очерка Павловского.

Понимал ли Тургенев, насколько опасно предавать огласке свое участие в публикации очерка беглого эмигранта? Думается, понимал. Тогда встает вопрос, чем же этот очерк так привлек его внимание. Несомненно, помимо литературных достоинств очерка Тургенева заинтересовала проблема правомерности одиночного заключения до решения суда. Об этом он прямо писал своим друзьям уже после появления очерка в печати и реакции на него в России. Частые мысли о самоубийстве молодого человека, страх сойти с ума — вот что особенно должно было впечатлить Тургенева, а исход еще одного случая, изложенного в отправленном ему летом 1879 года Е. Я. Колбасиным письме неизвестного корреспондента из Одессы, лишь подтвердил достоверность психологического воздействия одиночной камеры, описанного Павловским. Это так назы-

в РГАЛИ его дочерью Натальей де Биндер. На обороте письма Тургенева сохранилась следующая запись, сделанная, несомненно, самим мемуаристом: «Свидетельство, о котором говорится в этом письме, оказалось не только „достаточным“, оно спасло от гибели молодого человека. Без бумаг (он эмигрировал 18 лет от роду), без связей, без средств к существованию, этот молодой человек, благодаря Ив<ану> С<ергеевичу>, получил возможность поступить в Агрономический институт, кончить там курс и заняться наукой. Теперь он состоит инспектором земледелия Аргентинской республики, получает огромное жалованье и делает научные исследования. Русские газеты говорили об нем в последнее время несколько раз» (РГАЛИ. Ф. 2520. Оп. 2. № 3. Л. 49). Поручаться за своих подопечных Тургеневу приходилось не единожды. Можно предположить, что число этих поручительств в действительности было гораздо больше, но в данном случае следует упомянуть о жене И. Я. Павловского Вере Сергеевне, урожденной Гончаровой, которая была племянницей жены Пушкина Натальи Николаевны. Как и оба брата Павловские, она оказалась в Париже без средств к существованию и нуждалась в деньгах. Сохранилось два рекомендательных письма Тургенева для В. С. Павловской (на русском и французском языках), выданные ей для получения должности учительницы. К сожалению, после развода с И. Я. Павловским, последовавшего в 1882 году, следы Веры Сергеевны затерялись, и судьба ее до сих пор остается неизвестной.

⁵ *Pavlovsky I. Souvenirs sur Tourguéneff. Paris, 1887.*

⁶ См., например: *Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений.* СПб., 2003. С. 149–153.

ваемое «дело Сомова», в котором Тургенев выступил не только передатчиком информации во французской печати, но и переводчиком присланного ему Колбасиным русского письма. История эта долгое время оставалась загадкой и подвергалась различным интерпретациям. Лишь недавно тайна была раскрыта В. А. Лукиной и В. И. Симанковым.⁷ Первые публикаторы письма Тургенева к Колбасину, где речь шла о вопиющем случае самоубийства молодого заключенного посредством сжигания себя при помощи керосиновой лампы, сочли, что имелся в виду именно очерк Павловского «В одиночном заключении», действительно содержащий похожий эпизод.

В одиночной камере, где узнику пришлось провести несколько месяцев, не было ничего, что могло бы помочь ему уйти из жизни, а такое намерение неоднократно возникло у заключенного: «Зачем же тянуть это бремя страдания, когда ему не предвидится ни конца, ни краю? Не лучше ли помучиться сильно некоторых каких-нибудь несколько дней или минут и потом отделаться от всего навсегда».⁸ Однажды ему удалось при переезде в камеру после допроса закинуть шарф за кровать. «Когда двери захлопнулись, я поднял шарф и припал к нему как к давно желанному своему избавителю, и потом спрятал свою драгоценность на груди. Мысль, что я могу во всякое время прекратить эту жизнь, успокаивала и даже радовала меня. Мне вдруг стало легче и даже отраднее на душе».⁹ И лишь когда арестанта перевели из одной тюрьмы в другую, он, переступив порог новой камеры, первым делом заметил пресловутую керосиновую лампу: «Посреди камеры висела на крепком крючке большая керосиновая лампа. Эта лампа меня успокоила: — Ночью, когда все уснет, думал я, лампу можно осторожно снять, облить керосином тюфяк, белье и волосы и поджечь. Конец будет скорый. Можно, вероятно, и повеситься на крючке; или даже на пруте решетки...».¹⁰

Можно легко представить, какие чувства должен был испытывать Тургенев, читая эти строки. Но помимо ужасающих деталей тюремного существования, помимо достоверного изображения мучительных физических и душевных страданий Тургенев не мог не заметить в очерке Павловского очевидного желания пересмотреть свои убеждения, возможность по-иному взглянуть на собственное революционное прошлое. Вспоминая один из эпизодов прежней жизни, автор «Одиночного заключения» задает себе вопрос: «А кто говорил, что все виноваты, каждый в отдельности виноват? Кто строил на этом теории? Фразер! Одно говоришь, другое думаешь... Святотат! А что полагается за это по закону?..»¹¹ Думается, именно способность молодого человека критически пересмотреть свою прежнюю деятельность, умение выйти за пределы собственного «я», найти в себе силы преодолеть обиды и оценить готовность других людей прийти на помощь незнакомому страдающему брату должны были расположить писателя к начинающему литератору. Помимо простой жалости к молодому человеку, вынужденному несколько лет прозябать в тяжелейших условиях, было в стремлении Тургенева приобщить Павловского к большой литературе, ввести его в круг русских и зарубежных литераторов нечто большее, а именно — дать несчастному шанс обрести свой путь, оторгнуть его от подпольной деятельности, направленной к разрушению, в сторону позитивную, пусть не такую героическую и яркую, как жизнь революционера, но дающую возможность укорениться в каком-то деле и приносить обществу положительную пользу.

Иными словами, те мысли, которые Тургенев закладывал в романе «Новь», рисуя образ Соломина, он же пытался реализовать на практике. Давалось это ему нелегко. Далеко не все подопечные понимали, чем рисковал известный писатель ради них, как не всегда понимали его и самые близкие товарищи. Даже такие дружески настроенные люди, как поэт Я. П. Полонский, называли «великой глупостью» то, что Тургенев

⁷ Лукина В. А., Симанков В. И. Неизвестный перевод И. С. Тургенева: «дело Сомова» в русской и иностранной периодике 1879 года // Русская литература. 2023. № 2. С. 129–156.

⁸ Яковлев И. (Павловский И. Я.). В одиночном заключении (Психологический очерк) // Яковлев И. (Павловский И. Я.). Маленькие люди с большим горем. СПб., 1890. С. 59.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 65.

¹¹ Там же. С. 52.

позволил себе написать несколько слов в качестве предисловия к воспоминаниям бывшего узника.

Отвечая на не дошедшее до нас письмо Полонского, Тургенев писал 10 (22) ноября 1879 года: «Ты можешь быть спокоен: никакой „великой глупости“ я не сделал <...>. Во-первых: статья, помещенная в „Temps“, нисколько не протест — а простой, весьма наивный и трогательный рассказ о содержании в тюрьме заключенного *безо всяких политических намеков или упреков*; во-вторых: в моем коротеньком предисловии я прямо говорю, что, нисколько не одобряя и не разделяя мнений гг. нигилистов и революционеров, полагаю, что рассказ этот может служить доказательством неуместности предварительного одиночного заключения, „qui ne saurait être justifié aux yeux d’une saine législation“.¹² — Как тебе, вероятно, известно, это вопрос открытый — и в нем ничего нет нецензурного. Я прибавляю, что интерес этого рассказа исключительно психологический. — Вот и всё. Не могу допустить, чтобы мне серьезно поставили в вину знакомство с изгнанником, который даже вовсе не такой злостный преступник, ибо по суду (правда, после 4-летнего заключения) был *оправдан*... и сослан административным порядком в Пинегу, откуда он бежал, чтобы не умереть с голоду. И за это запретят мне въезд в Россию??!! Мне, положим, либералу — но либералу династическому, который никакой другой возможной реформы не признает, как реформы, *исходящей сверху* — и, если такой реформы не совершается, повторяет всем своим молодым друзьям — что надо ждать, ждать и ждать — ибо революция у нас и немыслима и противна всему нашему историческому развитию?»¹³

Что касается очерка Павловского, то Тургенев, скорее всего, первоначально не собирался писать к нему предисловие. Об этом его просил редактор газеты «Le Temps» А. Эббар, который, как верно отметил в своих воспоминаниях Павловский, опасался недовольства русской цензуры. «Впоследствии сделалось известным, — писал он, — что редакция заботилась не столько об авторе, сколько о собственных выгодах: ей нужна была гарантия, что очерк не заключает в себе ничего нецензурного, она не хотела рисковать 60 000 франков дохода, который имеет от русских подписчиков. И <ван> С<ергеевич> исполнил просьбу редакции очень охотно, не придавая своей рекомендации никакого политического значения. Он рекомендовал литературное произведение, а не политический памфлет».¹⁴ Это мнение подтверждается и воспоминаниями непосредственной свидетельницы истории с публикацией очерка Луканиной. Когда она спросила, нельзя ли опубликовать ее рассказ «Любушка» в «Le Temps», Тургенев «замахал руками и сказал, что к г. Hébrard решительно невозможно обращаться теперь ни с какими просьбами о помещении повестей из текущей русской жизни».¹⁵ Не приходится сомневаться, что подобная реакция Эббара была вызвана последствиями помещения в его газете перевода очерка Павловского с предисловием и послесловием Тургенева.

Между тем реакция русской прессы на эту публикацию была непредсказуемо резкой. Пресса, как и все общество, разделилась на два непримиримых лагеря. Выступивший в «Московских ведомостях» Б. М. Маркевич, при явной и тайной поддержке главного редактора М. Н. Каткова, разразился целой серией статей, в которых обвинял Тургенева в заискивании перед молодежью и чуть ли не в государственной измене. Больше всего писатель опасался, что ему действительно запретят въезд в Россию, где на фоне регулярных покушений на высокопоставленных чиновников царяла напряженная атмосфера страха. Тургенев публично отвечал Маркевичу, потом за него стал отвечать редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич и другие. Затянувшаяся полемика закончилась весьма показательным отказом писателя пожать руку Каткову во время Пушкинских торжеств, имевших место в июне 1880 года в Москве в связи

¹² «Которое не может быть оправдано с точки зрения разумного законодательства» (фр.).

¹³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Л., 1967. Т. 12. Кн. 2. С. 173–174.

¹⁴ И. П. [Павловский И. Я.]. Воспоминание об И. С. Тургеневе (Из записок литератора) // Русский курьер. 1884. 16 июня. № 164. С. 1.

¹⁵ А. Л. [Луканина А. Н.]. Мое знакомство с И. С. Тургеневым. Ч. 2 // Северный вестник. 1887. № 3. С. 69.

с открытием памятника поэту. Осмелимся предположить, что в конечном счете шума, поднятая Маркевичем, значительным образом повлияла на решение Тургенева не возвращаться в Россию.

Что же нового вносит в историю публикации автобиографического очерка Павловского письмо к Тургеневу соредактора «Le Temps» Шарля Эдмона от 15 (27) августа 1879 года? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо пояснить, почему это письмо ранее не привлекало внимание исследователей. Дело в том, что при разборе бумаг Виардо, поступивших в Национальную библиотеку Франции, оно было неверно атрибутировано как адресованное Луи Виардо. Ошибка, впрочем, вполне объяснима. В молодые годы Эдмон принимал участие в журнале социалистического толка «Revue indépendante», издававшегося Пьером Леру, Жорж Санд и Луи Виардо. Разумеется, тогда и состоялось его знакомство с мужем знаменитой певицы. С Тургеневым он мог также поддерживать отношения еще в 1840-е годы, а обращение «Дорогой друг» («Cher ami») свидетельствовало об определенной близости между корреспондентами.¹⁶ Содержание же письма не оставляет сомнений в том, что на самом деле оно адресовано Тургеневу и речь в нем идет о публикации очерка Павловского в газете «Le Temps».¹⁷

Приведем текст этого письма, написанного на бланке газеты «Le Temps», целиком:

«10, FAUBOURG-MONMARTRE, PARIS
LE 27 août 187<9>».

Cher ami,

Nous voudrions bien publier l'intéressante étude du pauvre nihiliste. Seulement, en notre qualité de gens insatiables, nous vous demanderions de vous rappeler votre aimable promesse d'un mot d'introduction, signé de votre nom. Cela s'appelle faire d'une pierre deux coups. Autre chose: Il nous semble que les premiers dix feuillets gagneraient à être abrégés. Nous aimerions mieux arriver droit in *medias res*. Pourriez-vous procéder vous-même aux coupures en question? Nous n'oserions pas le faire sans votre consentement.

Veuillez accepter toutes nos excuses de notre importunité.

Bien à vous

Charles Edmond».¹⁸

Перевод:

«ПАРИЖ, ФОБУР-МОНМАРТР, 10
27 августа 187<9>».

Дорогой друг,

Нам бы очень хотелось опубликовать интересный очерк бедного нигилиста. Вот только, будучи людьми ненасытными, мы бы попросили вас припомнить данное нам любезное обещание написать к нему вступительное слово, подписанное вашим именем. Это называется одним выстрелом убить двух зайцев. И еще одно: нам кажется, что первые десять страниц стоило бы сократить. Хотелось бы, чтобы речь начиналась

¹⁶ Шарль Эдмон (наст. имя Карл (Кароль) Эдмунд Хоецкий; 1822–1899), французский литератор польского происхождения, переводчик, журналист, близкий к революционным кругам. Увлечение социалистическими идеями сблизило его с Прудоном, Ж. Санд, Л. Виардо, М. А. Бакуниным, Герценом, Г. Гервегом и др. О Эдмоне и его отношениях с Герценом см.: *Герцен А. И. Письма к разным корреспондентам (1849–1869)* / Публ. Л. Р. Ланского // Лит. наследство. 1958. Т. 64. С. 439–441; *Ланский Л.* Из переписки Герцена и о Герцене (Неизвестные письма К.-Э. Хоецкого к Георгу Гервегу) // Вопросы литературы. 1975. № 4. С. 199–214. В 1860-х годах Эдмон вместе с Эббаром стал соредактором газеты «Le Temps».

¹⁷ Впервые на это обратила мое внимание В. А. Лукина, которой приношу сердечную благодарность.

¹⁸ Bibliothèque Nationale de France. Nouvelles acquisitions françaises. № 16274. F. 44.

сразу *in medias res*.¹⁹ Не могли бы вы сами решить вопрос с означенной купюрой? Без вашего согласия мы не решаемся это сделать.

Примите все извинения за нашу назойливость.

Ваш

Шарль Эдмон».

Письмо Эдмона интересно не только самим тоном глубокого уважения со стороны издателей «Le Temps», признающих в своей прямой заинтересованности обозначить имя русского писателя на страницах газеты, но и подтвержденным участием Тургенева в редактировании текста опубликованного очерка. В своих воспоминаниях Павловский позже писал, что его очерку предшествовало введение, которое было самовольно выброшено редакцией французской газеты. Работа с той частью бумаг Павловского, которая была передана его дочерью в Российский государственный архив литературы и искусства (большая часть архива Павловского хранится в Национальной библиотеке Франции), подтвердила тот факт, что такое вступление действительно существовало.²⁰ Отсутствие в печатном тексте этой части, от которой сохранился в архиве лишь фрагмент, свидетельствует о том, что писатель согласился с мнением редакторов газеты на его изъятие. Во введении к своему очерку Павловский пытался представить публикуемый текст как принадлежащий некоему знакомому, утаивая таким образом свое авторство. Кроме того, при наличии предисловия Тургенева к очерку введение к нему оказывалось излишним. Очевидно, писателю это введение тоже показалось избыточным. Не желая затрагивать чувствительные струны начинающего автора, он не оповестил его о письме Эдмона. Этот, казалось бы, не слишком значительный эпизод ставит, тем не менее, окончательную точку в истории с публикацией автобиографического очерка Павловского во французской газете. Само же письмо Эдмона является единственным из сохранившихся писем к русскому писателю, с которым его, несомненно, связывали гораздо более близкие отношения, чем считалось до последнего времени.

¹⁹ с главного (лат.)

²⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 2520. Оп. 1. № 7.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-224-232

© Йозеф Догнал (Чешская Республика, Словацкая Республика),
© С. Н. Черепанова (Словацкая Республика)

«КУЛЬТУРА ШТАМПОВ» В РАННЕЙ ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

Конец XIX — начало XX века — эпоха коренных изменений, в которой господствовало ощущение ухода со сцены старого мира и отчасти с надеждой, отчасти с тревогой ожидалось, творилось и утверждалось ожидание нового мира. Неудивительно, что многие воспринимали этот этап как кризисное состояние культуры в общем ее понимании: «Финал каждой культурной эры знаменуется жестоким кризисом художественного сознания и выражает себя в упадке искусства, который приобретает все более очевидный и катастрофический характер. Исчерпываются темы, мельчают характеры, утрачивают масштабность конфликты. И одновременно: вместо красоты — украшения, вместо сложности — формальные виньетки и розетки, из формы выветривается семантика, формальным изыскам придается самоценный характер. И усталость от художественных окаменелостей — от накопившихся клише, штампов, общих мест...»¹

¹ Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010. С. 529.

2. Frankfurter Biographie: Personengeschichtliches Lexikon / Hrsg. W. Klötzer. Frankfurt a/Main, 1994–1996. Bd. I–II (Veröffentlichungen der Frankfurter Historischen Kommission. Bd. XIX. № 1, 2).
3. *Kasnets E., Kogan E.* «Deistvuiushchie litsa». Kolleksiia Belevskikh-Zhukovskikh // *Nashe nasledie*. 2018. № 124.
4. *Kempe F.* Daguerreotypie in Deutschland. Vom Charme der frühen Fotografie. Seebuck, 1979.
5. *Mokritskii A. N.* Dnevnik khudozhnika. M., 1975.
6. *Perepiska V. A. Zhukovskogo i A. P. Elaginoi: 1813–1852*. M., 2009.
7. *Plaksin S. G. V. A. Zhukovskii v portretakh, skul'pture i illiustratsiiakh sovremennikov*. M., 2022.
8. *Primitifs de la photographie, le calotype en France (1843–1860)* / Ed. by S. Aubenas and P.-L. Roubert. Paris, 2010.
9. *Turgenev I. S.* Iz «Literaturnykh i zhiteiskikh vospominanii» // V. A. Zhukovskii v vospominaniakh sovremennikov. M., 1999.
10. *Vinitskii I.* «Nemaia liubov'» Zhukovskogo // *Pushkinskie chteniia v Tartu*. Tartu, 2011. [Vyp.] 5. Pushkinskaia epokha i russkii literaturnyi kanon: K 85-letiiu Larisy Il'inichny Vol'pert: V 2 ch. Ch. 2.
11. «Zhizn' i Poeziia odno...» V. A. Zhukovskii: izobrazitel'nye i dokumental'nye materialy iz sobranii Pushkinskogo Doma. SPb., 2013.
12. *Zhukovskii V. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 2004. T. 14.

Наталья Петровна Генералова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natalja Petrovna Generalova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences
ORCID: 0000-0003-3427-5590
generalovanatalia@gmail.com

К ИСТОРИИ ОДНОГО ТУРГЕНЕВСКОГО ПРЕДИСЛОВИЯ (НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ШАРЛЯ ЭДМОНА К И. С. ТУРГЕНЕВУ)

TO THE HISTORY OF A TURGENEV PREFACE (AN UNKNOWN LETTER BY CHARLES EDMOND TO I. S. TURGENEV)

Статья посвящена эпизоду, связанному с участием И. С. Тургенева в подготовке публикации автобиографического очерка И. Я. Павловского «В одиночном заключении (Впечатления нигилиста)», перевод которого был опубликован в трех номерах французской газеты «Le Temps» за 1879 год. Как выяснилось из ошибочно атрибутированного ранее письма редактора газеты Шарля Эдмона (Хоецкого), Тургенев не только написал предисловие и послесловие к очерку Павловского, но и принял участие в его редактировании.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, И. Я. Павловский, очерк «В одиночном заключении», Шарль Эдмон, газета «Le Temps», ошибка в атрибуции.

The article examines an episode that has to do with Turgenev's involvement in the publication of I. Ya. Pavlovsky's autobiographical work *En Cellule (Impressions of a Nihilist)*, published in translation, in three installments, by the French newspaper *Le Temps* in 1879. The letter of Charles Edmond (Chojecki) that was previously misattributed, makes it clear that, apart from writing the preface and afterward to Pavlovsky's work, Turgenev was involved in editing it.

Key words: I. S. Turgenev, I. Ya. Pavlovsky, *V Oдиноchnom Zaklyuchenii (En cellule)*, Charles Edmond, newspaper *Le Temps*, misattribution.

Список литературы

1. *Генералова Н. П.* Невероятное путешествие И. С. Тургенева в Петербург и Москву (февраль–март 1879 года) // *Русская литература*. 2018. № 3.

2. *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003.
3. *Герцен А. И.* Письма к разным корреспондентам (1849–1869) / Публ. Л. Р. Ланского // Лит. наследство. 1958. Т. 64.
4. *Ланский Л.* Из переписки Герцена и о Герцене (Неизвестные письма К.-Э. Хоецкого к Герцу Гервегу) // Вопросы литературы. 1975. № 4.
5. *Лукина В. А., Симанков В. И.* Неизвестный перевод И. С. Тургенева: «дело Сомова» в русской и иностранной периодике 1879 года // Русская литература. 2023. № 2.
6. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Л., 1967. Т. 12. Кн. 2.
7. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1982. Т. 10.
8. *Флобер Г.* О литературе, искусстве, писательском труде. Письма. Статьи: В 2 т. М., 1984. Т. 2.

References

1. *Flober G.* O literature, iskusstve, pisatel'skom trude. Pis'ma. Stat'i: V 2 t. M., 1984. T. 2.
2. *Generalova N. P. I. S.* Turgenev: Rossiia i Evropa. Iz istorii rusko-evropeiskikh literaturnykh i obshchestvennykh otnoshenii. SPb., 2003.
3. *Generalova N. P.* Neveroiatnoe puteshestvie I. S. Turgeneva v Peterburg i Moskvu (fevral'–mart 1879 goda) // Russkaia literatura. 2018. № 3.
4. *Gertsen A. I.* Pis'ma k raznym korrespondentam (1849–1869) / Publ. L. R. Lanskogo // Lit. nasledstvo. 1958. T. 64.
5. *Lanskii L.* Iz perepiski Gertsena i o Gertsene (Neizvestnye pis'ma K.-E. Khoetskogo k Gerorgu Gervegu) // Voprosy literatury. 1975. № 4.
6. *Lukina V. A., Simankov V. I.* Neizvestnyi perevod I. S. Turgeneva: «delo Somova» v russkoi i inostranoi periodike 1879 goda // Russkaia literatura. 2023. № 2.
7. *Turgenev I. S.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 28 t. Pis'ma: V 13 t. L., 1967. T. 12. Kn. 2.
8. *Turgenev I. S.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Soch.: V 12 t. M., 1982. T. 10.

Йозеф Догнал

профессор университета имени Масарика (Чешская Республика);
профессор университета им. свв. Кирилла и Мефодия (Словацкая Республика)

Josef Dohnal

Professor, Masaryk University (Czech Republic);
Professor, University of Ss. Cyril and Methodius (Slovak Republic)

ORCID: 0000-0002-0763-5784

josef-dohnal@volny.cz

Светлана Николаевна Черепанова

аспирант университета им. свв. Кирилла и Мефодия (Словацкая Республика)

Svetlana Nikolaevna Cherepanova

Post-Graduate Student, University of Ss. Cyril and Methodius (Slovak Republic)

ORCID: 0000-0002-9846-4000

cherepanova1@ucm.sk

«КУЛЬТУРА ШТАМПОВ» В РАННЕЙ ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

«CULTURE OF CLICHES» IN CHEKHOV'S EARLY PROSE

В статье рассматривается изменение некоторых устоявшихся литературных штампов в творчестве А. П. Чехова на примере ранних рассказов писателя («Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.?», «Слова, слова и слова», «Тысяча одна страсть, или Страшная